

Рисунок Анатолия Зыкова.

ПОЭМА «РУСЛАН И ЛЮДМИЛА» ЗАВЕРШАЛАСЬ ПОД «ДОМАШНИМ АРЕСТОМ» АВТОРА

Рос. вести. - 1995. - 6 июля. - с. 7

Во время работы над книгой «Герб Смоленска» мое внимание привлекла забавная и весьма любопытная ситуация, в которой однажды оказался А.С.Пушкин, находясь в доме своего близкого друга смоленского князя Никиты Всеволожского. Тогда в отсутствие хозяина дома строптивого Пушкина заключил под «домашний арест» простой камердинер, заставивший поэта сесть за неоконченную поэму. Увлечшись работой, Пушкин засиделся почти до утра.

Этот малоизвестный факт описан в раритетной книге сына Никиты Андрея Всеволожского, изданной в Симферополе в 1886 году, «Род Всеволожских». К сожалению, автор книги не указал ни год, когда произошел этот случай, ни поэму, над окончанием которой работал поэт.

После выхода в свет своей книги я решил попытаться найти ответ на эту небольшую загадку в жизни поэта. обстоятельно изучив взаимоотношения Пушкина с Никитой Всеволожским, я убедился, что этот случай мог произойти только в юные годы поэта. Дальнейшие поиски особого труда не составили. В фундаментальном труде М.А.Цявловского «Летопись жизни и творчества А.С.Пушкина» на странице 108 напечатано: «1820. Петербург. Март. 26. Ночь. Пушкин закончил шестую песнь «Руслана и Людмилы» и ставит под черновиком дату: «26 ночь». Но где именно работал Пушкин той ночью, работал ли он вечером и днем 25 марта, сам ли дождался Музы или кто-то его уговорил сесть за стол - не только для Цявловского, но и для Томашевского, как и для других пушкиноведов, являлось тайной. Мне оставалось только соединить события тех дней в последовательную цепочку.

...То было время, когда юный поэт после шестилетней «аскезы» с радостью покинул лицейский «монастырь» и со всем юношеским пылом бросился в водоворот столичных развлечений, отдавая весь свой жар молодости не столько «Руслану и Людмиле», сколько сладостным «играм Вакха и Киприды». Дело дошло даже до того, что Пушкин все чаще стал писать в те редкие часы, когда болезнь приковывала его к постели, не давая возможности увиваться за столичными дамами, кутить, картежничать или быть дуэлистом.

«Сверчок прыгает по бульвару и по б...», - писал А.И.Тургенев П.А.Вяземскому 18 декабря 1818 года. - Но при всем беспутном образе жизни его он кончает 4-ю песнь поэмы... Первая болезнь была и первую кормилицей его поэмы».

Именно так, урывками и, как признавался сам поэт, «среди самой рассеянной жизни», писал он поэму «Руслан и Людмила».

Друзья Пушкина возлагали особые надежды на ее публикацию. Тургенев в письме Вяземскому в феврале 1820 года сообщал: «Племянник почти закончил свою поэму. Пора в печать. Я надеюсь от печати и другой пользы: увидев себя в числе напечатанных и, следовательно, уважаемых авторов, он сам станет уважать себя и несколько остепенится. Сейчас его знают по мелким стихам и по крупным шалостям, но по выходу в печать его поэмы будут искать

в нем если не парик академический, то, по крайней мере, не первостепенного повесу».

Самой трудной для Пушкина оказалась работа над концовкой поэмы. Просьбы друзей взяться за ее завершение только раздражали поэта, а Тургеневу, переживавшему за брошенную поэму, Пушкин по-эпикурейски ответил: «Поэма никогда не стоит улыбки сладострастных уст».

Через много лет в моменты угрызения совести Пушкин раскается:

...Кляню коварные старанья
Преступной юности моей...

Но тогда у беспечного юноши совесть сладко дремала, иначе он мог бы написать гораздо больше, а поэму завершить раньше.

И вот совершенно неожиданно помогли случай и старый дядька-камердинер Всеволожского.

Зимой и весной 1820 года поэт часто гостил в доме заядлого театралы, весельчака и певца-любителя Никиты Всеволожского, у которого был старый дядька-камердинер, преданный и упрямый слуга. Он неоднократно слышал, как Пушкин жаловался на издателя журнала, требовавшего окончания поэмы, за которую Пушкин получил деньги вперед.

В конце марта 1820 года Пушкин зашел к Никите Всеволожскому, но тот был на охоте. Было еще утро, и старик, пользуясь случаем, стал упрашивать Пушкина сесть за окончание поэмы. Пушкин всплился, обругал камердинера и сгоряча заявил, что никогда не закончит поэму.

Бывавший и не в таких передрягах, бывалый старик, ничуть не смущаясь, втолкнул Пушкина, как проказливого мальчишку, в кабинет Никиты и надежно закрыл дверь на ключ. Что только не делал разгневанный Пушкин, но старик, стоя за дверью, повторял одно и то же: «Пишите, Александр Сергеевич, свои стишки, а я вас не выпущу, как хотите. Вы должны писать и пишите».

Пушкин, убедившись, что до возвращения Никиты старик-упрямец все равно не освободит его от «домашнего ареста», сел за письменный стол своего закадычного друга и до того увлекся работой, что писал весь день и ночь, отгоняя затем от себя не только дядьку-камердинера, но и Никиту, вернувшегося с охоты. Так поэма «Руслан и Людмила» была закончена.

В тот же день Пушкин читал завершенную поэму у Жуковского, который жил тогда рядом с домом Всеволожского (оба дома сохранились и находятся в Петербурге на проспекте Римского-Корсакова). Счастливый Жуковский, всегда прощавший все шалости юному поэту, подарил Пушкину свой гравированный портрет с надписью: «Победителю-ученику от побежденного учителя в тот высокаторжественный день, в который он окончил свою поэму «Руслан и Людмила», 1820, марта 26, Великая пятница». Знал ли Жуковский, какую благородную роль сыграл накануне Великой пятницы простой камердинер Никиты Всеволожского, трудно сказать. Но мы спустя 175 лет это узнали. Не написанной до сих пор полной биографии гениального поэта.

Геннадий РАЖНЕВ.

Смоленск.